

Труд, создание, гюбрис. Читая австрийцев с Арендт

Георгий Ванунц

*Научный сотрудник Центра современных политических исследований Института общественных наук РАНХиГС,
пр. Вернадского, д. 82, к.2, Москва, Россия
E-mail: g.vanunts@gmail.com*

Труд, создание, гюбрис. Читая австрийцев с Арендт

Аннотация

Феноменологический анализ поступка, проведенный Ханной Арендт в ее критике как марксовой утопии общества труда, так и либерального понятия общества потребления, помогает нам зафиксировать тонкое, но важное различие в рамках ранней неолиберальной теории.

Ее ведущие авторы, Людвиг Мизес и Йозеф Шумпетер написали свои ключевые работы за десятилетие до Арендт.

Но поместив краеугольное для этих теорий понятие предпринимательского действия в рамку Арендт, мы убеждаемся в том, что отцы-основатели неолиберального действия концептуализировали его почти противоположным образом.

Ключевые слова

Ханна Арендт, Людвиг фон Мизес, Йозеф Алоис Шумпетер, труд, действие, создание, предпринимательское действие, атараксия, энергия, хюбрис

Увидевшая свет в 1952-м году «Vita Activa» (в первом, англоязычном издании — «The Human Condition») занимает особое место в корпусе текстов Ханны Арендт как наиболее монументальная попытка критики политической экономии. Уже само это словосочетание для Арендт, называвшей себя политическим теоретиком *par excellence*, глубоко проблематично — и именно дизъюнкция этого закрепившегося в Новое время гибрида посвящена ее работа. Проводя феноменологическое различие таких областей действия, как труд, создание и поступок, и соответствующих им биологической, социальной и политической сфер, Арендт оппонирует не только Карлу Марксу, но и всей нововременной мысли, поспешившей «исключить политическое начало из публичной сферы» (Арендт 2017: 194) и, в конечном счете, предопределившей неминуемый регресс к обществу *animal laborans*, замкнутому в метаболическом цикле труда и потребления.

Любопытным образом в «Vita Activa» отсутствуют упоминания авторов, в предшествовавшие ее изданию несколько десятилетий бескомпромиссно отстаивавших идеалы свободного рынка и во многом предопределивших тот скачок экспансии экономического в политическое, о котором Арендт предупреждала, но не застала его при жизни. Имена и труды Людвиг фон Мизеса, Фридриха Августа фон Хайека и Йозефа Шумпетера были ей вполне знакомы, но по неизвестным причинам она предпочла не называть их в числе своих прямых интеллектуальных оппонентов. Однако ниже я постараюсь продемонстрировать, что предложенная Арендт теоретическая рамка позволяет установить важное политическое различие не просто в работах нескольких выпускников Венского университета, но во всей ранней интеллектуальной традиции неолиберализма.

Выбор слова «австрийцы» в заголовке этой работы не случаен и требует отдельного объяснения. Людвиг фон Мизес и Йозеф Шумпетер родились на задворках Австро-Венгерской империи (в Лемберге и Трешште соответственно) с разницей в два года и обучались вместе на экономическом семинаре Ойгена фон Бём-Баверка (где компанию им составили не менее блестящие соотечественники, например, Отто Бауэр и Рудольф Гильфердинг) в Венском университете. Несмотря на то, что при поверхностном упоминании обоих зачастую характеризуют как «австрийцев», методологически такое отождествление не вполне корректно. В своей альма-матер оба, безусловно, испытали влияние теоретиков-основателей Австрийской экономической школы, таких как уже упомянутый Бём-Баверк, Карл Менгер и Фридрих фон Визер. Однако именно Мизес впоследствии про-

нес знамя Австрийской школы уже в американскую академическую среду, в то время как Шумпетера современные «австрийцы» предпочитают в ее родословную не включать.

Тому есть вполне ясные причины — при некотором сходстве в основаниях (маржинализм, динамическое моделирование экономики) Мизес и Шумпетер направили свои усилия в двух принципиально различных методологических направлениях. Первый остался верен субъективистской ортодоксии Менгера и Бём-Баверка и провозгласил опирающуюся на универсальные теоретические предпосылки экономическую науку свободной от историцизма. Второй вслед за Визером отказался идти на радикальный разрыв с методами Немецкой исторической школы и фундировал свои тезисы в историческом и социологическом контекстах. Эта методологическая разница, на мой взгляд, лишь усиливает потенциал тщательного сравнения теорий Мизеса и Шумпетера. Метод последнего можно квалифицировать как инструмент той «радикальной историзации», которая, по мнению Пьера Бурдьё, является необходимым ключом к внеисторичной неолиберальной теории (Бурдьё 2019: 86).

Но вне зависимости от методологических оснований, Шумпетера и Мизеса объединяет весомое историческое обстоятельство — их фамилии идут через запятую в списке классиков теории предпринимательства, что отразилось не только в академических индексах цитируемости, но и в экономико-политических реформах, которые принесла с собой всему миру неолиберальная революция 1970–80-х (Ferreira, Reis, Pinto 2017). Модели экономического и предпринимательского действия, разработанные ими, легли в основу не только изменивших социальный ландшафт государственных мер, но и глубже, в новые стандарты производства субъекта, чья рациональность в неолиберальном проекте определяется как предпринимательская *par excellence* (Bröckling 2016).

Поместив модели действия Мизеса и Шумпетера в феноменологическую классификацию Арендт, я продемонстрирую, что разница между ними пролегает не просто в области метода, но в выборе самого диспозитива действия. Если действующий субъект Мизеса в полной мере соответствует фигуре *homo oeconomicus* из классического анализа Фуко (Фуко 2011), то шумпетеровский субъект, как я надеюсь показать, действует в деформированно-политической логике. Этим анализом я продолжаю работу над собственной гипотезой о двух дискурсах неолиберализма — антиномией между экономическим универсализмом и квазиполитическим субъективизмом, присущих его теоретическому проекту на самых ранних этапах.

Политичность поступка

Выделяемые Арендт три типа человеческой деятельности в соответствии аристотелевской традицией складываются в иерархическую классификацию, самую низкую ступень в которой занимает труд. Критикуя то первостепенное значение, которое этот вид активности обрел в Новое время с кульминацией в теории Маркса, Арендт определяет его как «тягостное усилие <...>, которое не оставляет по себе ничего объективно осязаемого», своего рода метаболический, «поглощающий» процесс, обусловленный исключительно «жизненной необходимостью», биологическими потребностями человека, в пределе — потребностями воспроизводства жизни, «своей и чужой» (Арендт 2017: 109, 111, 117, 122–124).

Труд не может являться целью, но только вынужденным средством, его темпоральность безгранична, вновь и вновь он воспроизводит себя в метаболической цепочке биологической необходимости. Это темпоральность рода, а не индивида — будучи природным процессом, труд может и даже обречен воспроизводиться в новых телах вновь и вновь, совершенно параллельно миру индивидов с его конечностью и долговечностью. Для того чтобы подчеркнуть строго приватную, внемирную природу труда, Арендт обращается к марксовому определению «процесса между человеком и природой, в котором человек своим собственным деянием обеспечивает, упорядочивает и контролирует свой обмен веществ с природой» (Там же: 122).

Смелый концептуальный ход Арендт, позволяющий ей направить свою критику как на идеологов «общества трудящихся», так и на провозвестников общества потребления, заключается в увязывании труда и потребления в один, обусловленный биологической, а не политической и даже не социальной логикой процесс. Трудящийся, *animal laborans*, «не бежит от мира, но вытолкнут из него в неприступную приватность собственного тела, где он видит себя в плену у потребностей и желаний, в которых никто не участвует и которые никому невозможно вполне передать» (Там же: 145).

Здесь проводимая Арендт редукция вполне резонирует с постулатами экономического маржинализма, в котором, в пике трудовой теории стоимости, «потребности» принципиально субъективны и непознаваемы, а разница между элементарными нуждами выживания, такими как кров и еда, и самыми утонченными предметами роскоши может быть определена лишь индивидуально и непригодна для фиксации в качестве универ-

сального критерия. Впрочем, эти потребности все же могут быть переданы от одного индивида другому, однако только через опосредование системы рыночных сигналов, то есть цен, спроса и предложения.

Создание, или «изготавливающая деятельность», представляет собой «овеществление мира» — человеческую активность, направленную на возведение в противовес хаосу природы своего собственного предметного мира. В отличие от труда, создание является уже категорией цели-средства — оно всегда подразумевает финальный продукт, воплощение идеи¹, а его чувственная логика подчинена принципу полезности, пригодности тех или иных средств для достижения цели. Проблемы, с точки зрения Арендт, начинаются на этапе достижения этой цели, так как вещь, то есть материально воплощенная идея, никогда не может являться «самоцелью» — ей суждено превратиться обратно в средство — обмена, жизненного удобства либо нового цикла «создания» (*work*) (Там же: 192).

Так запускается бесконечный цикл целей и средств, из которого мысль Нового времени выпутывается, признав значенные единственной конечной цели за человеком. Это на первый взгляд гуманистическое решение Канта прокладывает дорогу к субъективизму: «утилитарная мысль поворачивается спиной к объективному миру употребляемых предметов и уходит в субъективность самого по себе употребления» (Там же: 190). Увлеченность созиданием не запирала человека в тюрьме его собственного тела, создавала определенный, опосредованный предметами и идеями тип публичной сферы, пускай и не политический. Этот тип — рынок, не тот, на котором обсуждают общие дела, но, по крайней мере, тот, где можно показать другому свое изделие и тем самым явить себя. Однако именно уход в субъективность запускает механизм дальнейшей деградации — перехода от общества изготовителей к обществу трудящихся.

Для деятельности создания, таким образом, характерны: замкнутая целерациональность, неспособная выйти на уровень конечной цели; строго ограниченная темпоральность готового продукта, вещи; опосредованная или, вернее, опредмеченная социальность, связывающая человека с миром по крайней мере за счет обмена изделиями, сообщающими другим подобие его индивидуальности.

---

¹ В данном случае слово «идея» содержит важную импликацию — для Арендт акт создания никогда не относится к введению в мир чего-то поистине нового. Даже в самых гениальных своих образцах он соотносится с некоторым подобием, которое уже было доступно создающему человеку.

Поступок, реализуемый в словах и делах, становится единственным действием, которое включает нас в мир людей, рождает человека второй раз, уже как члена политического сообщества. В отличие от труда (и потребления), поступок не обусловлен никакой необходимостью; в отличие от создания, не спровоцирован «перспективой полезности». Он не причастен логике целей и средств, но заключается в самом ходе собственного развертывания, процесса, «его течение и есть все делаемое и все дело», — Арендт отождествляет его с греческим понятием «энергии» (*ἐνέργεια*) (Там же: 260). Поступок осуществляется не руками или телом, но словами и делами, причем роль речи Арендт приходится подчеркнуть отдельно, противопоставив ее глухоте насилия (Там же: 39).

Но главное, без чего невозможен поступок, — это сцена политического. Являясь пред другими, в том числе теми, кто уже или еще не живет, человек обретает собственное «кто», а вместе с ним и место в общем мире. Арендт отмечает парадоксальную пассивность поступка — взяв на себя риск инициативы, явления, индивид по большому счету уже не контролирует последствия, он отдает себя на суд тех, кто уже апостериори сочинит историю его жизни (Там же: 243). В этом и состоит его единственная конечная цель, освобождающая человека от биологического, животного рабства своих потребностей и желаний. Для своих целей я вынужден упростить этот критерий до понятия политической интерсубъективности поступка, то есть его обращенности к другим и неопосредованности предметами.

Итак, поступок, или действие политическое, отличается от труда и создания тем, что не подчинен ни биологическому диктату потребности, ни утилитарной логике цели-средства; по своей энергетической природе разворачивается всегда в настоящем, однако встраивает действующего в общий мир прошлых и будущих членов сообщества как индивида; возможен только в пространстве политического «между», то есть в пространстве неопосредованной, интенциональной явленности другим.

Деятельное беспокойство

Opus magnum Людвиг фон Мизеса, трактат «Человеческое действие», был впервые издан в 1949-м году, но, несмотря на исторические обстоятельства, лишен масштабного гуманистического пафоса, характерного не только для работ Арендт, но и для изданной пятью годами раньше «Дороги к рабству» его ученика — Фридриха Августа фон Хайека. С характерной ворчливостью Мизес

ставит перед собой в первую очередь научную задачу — защитить экономическую науку от нападок «иррационализма, историцизма, панфизикализма, бихевиоризма и всех вариаций полилогизма» (Mises 1963: 7). Для этого он выводит масштабную систему человеческого действия — «праксеологию», — которая призвана методологически отгородить своего рода физику человеческого действия от влияний других дисциплин и ценностных суждений.

По этой причине праксеология абсолютно глуха к царству целей — «это наука средств», которая исходит из минимального количества простых априорных принципов о человеческом действии (Ibid.: 15). Мизес заранее отрешивается от любых дискуссий о конечных или же подспудных мотивах индивида, об этике или обусловленности, рациональности или иррациональности действующего. Защищаясь от обвинений в экономическом редукционизме, он отказывается разделять действия на экономические и неэкономические. Фундаментальный принцип «Человеческого действия» — методологический субъективизм.

Из этой рамки следует предельно минималистичное определение: «Действие — это употребление средств для достижения целей» (Ibid.: 13). Не целью, но универсальным мотивом действия является «достижение более удовлетворительного состояния по сравнению с наличным менее удовлетворительным». В этом смысле бездействие, покой, отказ от действия также квалифицируется как действие, будучи обусловленным рациональной оценкой, постановившей, что отсутствие действия принесет больше удовлетворения, чем его осуществление (Ibid.). Этот универсальный минимум рациональности, гарантированная частичная автономия от инстинктов, и отличает, по мнению Мизеса, человека от животного. Противоположность действию — не покой, но инстинктивная активность.

Вполне в соответствии с тезисом Арендт об апории бесконечности целей, Мизес указывает на то, что достижение состояния счастья и удовлетворения, в котором на горизонте действия перестанет маячить «более удовлетворительное состояние», невозможно. Человеческий разум всегда в состоянии *представить* это состояние, а кроме того, всегда движим неким «беспокойством» (*uneasiness*) (Ibid. 14). Это понятие Мизес заимствует у Локка² (ссылаясь также на его цитирование Лейбницем), который в «Опыте о человеческом разумении» определяет его как нереализованное ощущение желания, причем желания, связанного преимущественно с обладанием благами или устранени-

² См. Locke J. An Essay Concerning Human Understanding. 2 vols. Oxford: Clarendon Press, 1894

ем телесных бед. Познать это беспокойство извне невозможно, и именно из него вырастает бескомпромиссно субъективистская оптика праксеологии:

Что беспокоит человека и что помогает ему в какой-либо степени унять это беспокойство — можно мерить лишь по стандартам его собственной воли и суждения, персональной и субъективной оценке (Mises 1963: 14).

Темпоральность человеческого действия у Мизеса локализована не в экзистенциальном пространстве между рождением и смертью и тем более не в явленности ушедшим и грядущим поколениям, но в вечном устремлении к будущему (Ibid.: 100). Недостижимый идеал вечно гонимого беспокойством действия для Мизеса — эпикурейская «атараксия» (*ἀταραξία*), точка отсутствия душевных тревог и телесных болей, которое Арендт определяет как «состояние бездвижности» (Arendt 2002: 300). Разбору такого рода эпикурейского (и стоического) сенсуализма она посвящает отдельный значительный отрывок. Эпикуров идеал счастья, основанный на воображаемом переживании и отторжении телесного опыта боли, представляет собой, по ее мнению, фундаментальное обстоятельство независимости от мира, «безмирности» соответствующей традиции, которой уже в Новое время наследует «радикальнейшая форма принципиально неполитической, уходящей целиком в приватность жизни» — гедонизм (Арендт 2017: 138).

Пространство социального у Мизеса тождественно тому, что Арендт называет *inter-est*, первому, опредмеченному пространству «между», в котором связи плетутся из опосредованного взаимодействия субъектов, замкнутых на собственных «конкретных и единичных» целях. Правда, уже этот, в арендтовской классификации характерный для общества *homo faber*, изобретателей и торговцев, образ рынка у Мизеса заражен жаргоном труда:

Будучи животным действующим, человек становится животным социальным <...> фундаментальные факты, которым он может быть благодарен за это превращение, а также за кооперацию, цивилизацию и общество, — это понимание того, что работа в условиях разделения труда более продуктивна, чем в изоляции (Mises 1963: 143).

Государство же является лишь необходимым аппаратом принуждения, наделенным монополией на насилие — здесь

Мизес прибегает к своему варианту веберовской формулировки. В понимании Арендт эта схема вполне соответствует перевернувшейся в Новое время логике отношения свободы и принуждения, в которой первая локализуется в пространстве социального и частного, на место же вытесненного политического приходит чистое насилие.

Феноменология действия у Мизеса в полной мере соответствует диагнозу Арендт. Опираясь на эмпирицистскую традицию и Локка в первую очередь, Мизес понимает действие как категорию цели-средства, обусловленную рациональным инструментарием человеческого познания — характерным для *homo faber* субъективным критерием полезности. Неразложимый мотив действия, опорой которому служит не только Локк, но и эпикурейская традиция, коренится в двух измерениях опыта — сенсуальном, телесном желании избежать буквальной физической боли и идеальной, предметной тяге к благам, то есть, в рамках Арендт, тех потребностях, которые образуют мир *animal laborans*. Пространство для поступка в теории Мизеса концептуально отсутствует: в пределе субъект его действия тяготеет к внемирности атаксии, а не к энергии поступка. А взаимодействие между людьми ограничивается областью социального — взаимовыгодного обмена и кооперации в системе разделения труда.

Искушение бессильных

Йозефа Шумпетера мало интересовала универсальная модель действия, как и универсальный субъект вообще. По ходу своей интеллектуальной карьеры он пришел к историзации идеальных типов, и в различных текстах австрийца можно обнаружить, например, феноменологию воителя-феодала, буржуа, составляющего государственную машину аристократа, корпоративного менеджера. Однако наиболее близкая к универсальному масштабу бинарная типология была сформулирована им еще в первой серьезной работе «Теории экономического развития», изданной на немецком языке в 1911 году. На тот момент еще 28-летний экономист ставил перед собой несколько более скромные задачи, чем в упомянутых выше работах других авторов, — а именно обосновать динамическую модель бизнес-циклов, в которой предпринимательская функция будет выполнять роль экзогенной движущей силы, вновь и вновь нарушающей характерное для неоклассической экономической теории состояние экономического равновесия спроса и предложения.

В рамках этой модели для Шумпетера принципиально важно обосновать лишь один, «динамический» тип предпринимательского действия, «статический» же тип обозначен лишь как его негатив. Субъектом статического действия Шумпетер бесхитростно обозначает «большинство» и с важной оговоркой признает, что для этого большинства действительно характерны «гедонистические» мотивы наслаждения благами и комфортом (Schumpeter 1934: 297–298). Оговорка заключается в том, что подобные мотивы не являются аисторично эссенциальными для человека, они обусловлены культурой современного ему капиталистического общества. Элементом, который способен изменить не только экономические, но и социальные, и культурные нормы этого общества, является «динамический» тип — предприниматель.

Предприниматель Шумпетера — это не просто капиталист, активно распоряжающийся собственным капиталом. Де-факто им может быть и наемный менеджер или достаточно активный член совета директоров, кто-то, у кого достаточно внутренних и внешних ресурсов для того, чтобы воплотить в жизнь новую, доселе невиданную комбинацию производственных факторов. Однако, в отличие от Мизеса, Шумпетер не считает эту задачу посильной или органичной среднему, калькулирующему соотношению средств и целей разуму статичного субъекта. Более того, как раз этому разуму дорога к предпринимательской роли закрыта наверняка — шумпетерианский парадокс заключается в том, что инициировать что-то новое, привести *капиталистическую* экономику в движение может только субъект неэкономического мышления.

Какова именно, пользуясь словами Мизеса, праксеологическая механика действия шумпетеровского предпринимателя? Логично предположить, что создание новых комбинаций также требует от индивида рационального соотношения целей и средств — собственно, на этом строится та ветвь теории предпринимательской функции, которая идет от Мизеса и Хайека к Израэлю Кирцнеру. Шумпетер, однако, предпочитает указывать на другие механизмы — «инициативу» и «власть», которые он лишь в последнюю очередь дополняет «прозорливостью» (Ibid.: 270). Указывая на некорректность буквального отождествления типа предпринимателя с предпринимательской деятельностью, он пишет:

Осуществление новых комбинаций может быть призванием не в большей степени, чем принятие и исполнение стратегических решений — именно эта функция, а не рутинные обязанности, характеризуют военного командующего (Ibid.: 273).

Мотивы, побуждающие к предпринимательскому действию: «желание доказать свое превосходство перед другими», «преуспеть ради самого успеха, а не его плодов», «ощутить могущество и независимость» и, лишь в последнюю очередь, «радость созидания и изобретательной деятельности» (Ibid.: 302–303). Последний мотив, соответствующий типологии *homo faber*, не получает развития в этой и дальнейших работах Шумпетера, а вот комплекс «воинственных» или «спортивных», граничащих с инстинктами мотивов, присутствует каждый раз, когда австриец уделяет внимание антропологии предпринимательского действия.

Обозначая методологический разрыв с универсальной австрийской моделью, Шумпетер предлагает считать «гедонистическими» только мотивы, связанные с желаниями, которые можно удовлетворить при помощи приобретения благ. «Ни в коей степени подобные гедонистические мотивы не характерны для предпринимателя», — подчеркивает он. В отличие от мизесовского *homo agens*, шумпетеровский предприниматель не стремится и максимизировать свою возможность свободно выбирать досуг. «С точки зрения гедониста, — добавляет Шумпетер, — наблюдаемое нами поведение абсолютно иррационально» (Ibid.: 297). Самый близкий к понятию «блага» и самый неуловимый объект желания предпринимателя — социальная дистанция, а его заветная мечта — «дать начало новой династии», «основать частное королевство», заместив покупательной возможностью ту силу насилия, которая когда-то открывала дорогу к феоду (Ibid.: 299).

Здесь мы сталкиваемся с ключевой для нас антиномией предпринимательского действия — его исключительно интерсубъективной ориентацией, стремлению индивидуализироваться в наличном множестве, реализуемом, однако, в модусе почти насильственной враждебности. Как цели, так и средства предпринимательского действия не существуют за пределами явленности: осуществляемое им принятие стратегических решений требует присутствия тех, кто безоговорочно их исполнит, а мотив, дающий ему необходимый, почти сверхчеловеческий избыток энергии, — тех, кто признает его превосходство. Ориентируясь на это присутствие и на это признание, предприниматель отказывается проявить свое «кто» на равных с другими. Шумпетер любит приводить в пример военачальника в блеске славы, от решений которого зависит жизнь его солдат, контр-примерами же для него — этому посвящен важный фрагмент его политического *opus magnum* «Капитализм, социализм и демократия» (1942) — выступают фигуры корпоративного менеджера

и выборного политика, чей путь к успеху лежит через слова убеждения тех, от кого этот успех зависит (Schumpeter 1976: 123). Слово предпринимателя же по существу может быть только добровольно принимаемой командой.

Итак, предпринимательское действие Шумпетера находится в (сознательном) резком противоречии с теми праксеологическими основаниями действия, которые предлагает Мизес, и едва ли может считаться универсалией для общества труда и потребления. Оно все еще заражено обозначенным Арендт смещением от *praxis* к *poiesis*, направлено на создание пускай и не вещей, но того неуловимого престижа, который гарантирует действующему бессмертие и восхищение в явленности другим. Если это не экономическое действие, если оно не определяется ни чувственной логикой труда, ни опосредующей рациональностью создания, то можем ли мы отнести его к «поступку», к сфере политического действия? Своего рода ответ на этот вопрос можно обнаружить в соответствующей главе «*Vita Activa*», во фрагменте о хюбрисе (*ὑβρις*).

В нем Арендт обращается к этимологии глагола «действовать» на греческом и латыни и выделяет его двойственность, а точнее, двухчастность. Ему свойственны две темпорально связанные формы — начала (*ἄρχειν*, *agere*) и продолжения (*πράττειν*, *gerere*). Однако со временем эти два с необходимостью следующих друг за другом такта отдаляются, сигнализируя о радикальной перемене в восприятии политического. Слово со значением «начинания» вытесняется из обыденного языка и приобретает четкое политическое значение господства. Так, первый среди равных, начинающий действие превращается в господина, а само действие расщепляется на повеление и исполнение:

В этой претензии на монополию, когда собственно действия просто уже нет, ибо ни повеление, ни исполнение по-настоящему не поступок, и возникает впоследствии обманчивое представление, будто сила всего величественнее, когда она одинока (Арендт 2017: 238).

Представление об одиночестве этой силы выкристаллизовывается настолько, что в определенный момент она уже не может в принципе оставаться в заключении тех рамок «общего мира», что добровольно накладывает на себя каждый член политического сообщества:

Поскольку действие само по себе и не может быть иначе как безмерным, соблюдение меры издревле было одной из классиче-

ских политических добродетелей, а хюбрис — специфическим искушением действующих людей, что греки, в этих вещах слишком даже опытные, не уставали сами себе напоминать. Воля к власти, напротив, специфически новоевропейский феномен, укорененный не столько в действии, сколько в бессилии современных людей внутри области политического; но хюбрис и неумеренность остаются искушениями, преследующими всякое действие как таковое (Там же 2017: 240).

В экономической теории Шумпетера эта логика хюбриса достигает своего апогея, когда само движение экономического, технического и культурного развития невозможно без безмерной одинокой силы, которая стремится господствовать над теми, перед кем она предстает. При этом, как признает сам Шумпетер, эпоха настоящего, прямого господства — в прошлом, и в реализации своего ключевого мотива субъект предпринимательского действия *вынужден* прибегать к опосредованию — за пределами своего кабинета или обставленной символами социального престижа гостиной он едва ли способен сохранить героическую ауру. Для Арендт неполноценность такого опыта господства еще очевиднее: «сила одиночки» неспособна родить настоящей власти, а значит, «подвержена опасности покориться власти многих и быть ими уничтоженной» (Там же: 254). Предпринимательское действие, концептуализированное Шумпетером, уже не является в строгом смысле поступком, однако его чувственное начало отсылает именно к опыту политического действия, само понимание которого, как показывает Арендт, в отсутствие соответствующей публичной сферы деградирует до грозного, но хрупкого и по-своему уже опосредованного приватностью идеала господства.

Смерть труда и воцарение хюбриса

Неолиберализм принято (в фуколдианской традиции) критиковать за его экономистскую экспансию — выделение представителями Австрийской, а позже Чикагской школ универсального субъекта, чьи действия определяются экономической рациональностью, вкупе с ориентированным преимущественно на воспроизводство и беспроblemное функционирование этого субъекта институциональным дизайном «ограниченной демократии» беспощадно вытесняют саму онтологию политического действия (Davies 2014, Brown 2019). Несмотря на нелюбовь Мизеса к термину *homo oeconomicus* и отрешивание от обвинений в экономистском редукционизме, его праксиологическая

теория действия вполне соответствует этим выводам, что еще до Фуко отлично зафиксировала Арендт.

Как я попытался показать выше, этот диагноз уместно дополнить и тезисом о своего рода возвращении вытесненного. В отличие от своих последователей, Шумпетер мыслил интересовавшую его модель действия исключительно дескриптивно. Поместив ее в центр человеческого действия, неолиберальные теоретики невольно сконструировали антиномический проект, каждому участнику которого предлагается взять за основу своих действий уже не просто, как опасалась того Арендт, «антиполитический» цикл труда и потребления, но хюбристический, дополитический опыт господства одинокой силы.

Для Арендт ключевой проблемой стал нововременной разрыв на месте античной границы между экономическим и политическим, по одну сторону которого оказалось замкнутое на своей приватности общество трудящихся, по другую — голая сила государственной машины. Реальность произошедшего во второй половине XX века неолиберального сдвига оказалась запутаннее: в то время как государственные и бюрократические машины потеряли значительную часть собственной легитимности (а вместе с ней и подлинной способности начинать новое), сила предпринимателей (уже вопреки прогнозу Шумпетера) и финансового рынка несоизмеримо возросла³. Таким образом, речь идет не о разрыве, но о перемене мест слагаемых. Неприятности, которые такая перемена порождает для сферы политического, известны. Я же хотел обратить внимание на то, что на теоретическом уровне подобное возвращение квазиполитического представляет явную угрозу идеалам атараксии, столь дорогим ранним теоретикам неолиберализма.

Библиография

- Арендт, Ханна (2017). *Vita Activa, или о деятельной жизни*. М.: Ад Маргинем Пресс.
- Маццукато, Марианна (2021). *Ценность всех вещей: Создание и изъятие в мировой экономике*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.
- Бурдьё, Пьер (2019). *Экономическая антропология: курс лекций в Коллеж де Франс (1992–1993)*. М.: Издательский дом «Дело», РАНХиГС.
- Фуко, Мишель (2011). *Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году*. СПб.: Наука.
- Arendt, Hannah (2002). "Karl Marx and the Tradition of Western Political Thought." *Social Research* 69, N 2 (2002):273–319.
- Brown, Wendy (2019). *In the Ruins of Neoliberalism: The Rise of Antidemocratic Politics in the West*. N. Y.: Columbia University Press.

---

³ Конъюнкция этих разнонаправленных факторов хорошо зафиксирована в недавно переведенной работе Марианны Маццукато (Маццукато 2021).

- Brökling, Ulrich (2016). *The Entrepreneurial Self. Fabricating a New Type of Subject*. London: Sage.
- Davies, William (2014). *The Limits of Neoliberalism*. London: Sage.
- Ferreira, Manuel Portugal, Reis, Nuno Rosa, Pinto, Claudia Sofia Frias (2017). "Schumpeter's (1934) Influence on Entrepreneurship (and Management) Research" *Revista de Empreendedorismo e Gestão de Pequenas Empresas* 6, N 2 (2017): 4–39.
- Locke, John (1894). *An Essay Concerning Human Understanding*. 2 vols. Oxford: Claredon Press.
- Mises, Ludvig (1963). *Human Action: A Treatise on Economics*. San Francisco: Fox&Wilkes.
- Schumpeter, Joseph Alois (1976). *Capitalism, Socialism and Democracy*. London: Routledge.
- Schumpeter, Joseph Alois (1934). *The Theory of Economic Development*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press

Georgiy Vanunts

Research Associate,
Center for Contemporary Political Studies,
Institute of Social Sciences, RANEPa,
Vernadsky Lane 82, apt. 2, Moscow, Russia
E-mail: g.vanunts@gmail.com

Labor, Creation, Hubris: Reading the Austrian Neoliberals with Arendt

Abstract:

Hannah Arendt's phenomenological analysis of action in her critique of both the Marxist utopia of labor society and the liberal understanding of consumer society can help us to grasp a subtle yet important difference in early neoliberal discourse. Preeminent neoliberal thinkers such as Ludwig Mises and Joseph A. Schumpeter wrote their major works a decade before Arendt. Bringing the cornerstone concept of entrepreneurial action into the Arendtian framework shows us how these two Austrian sources of modern neoliberal theory effectively proposed two antithetical hypotheses of entrepreneurial action.

Keywords:

Hannah Arendt, Ludwig von Mises, Joseph Alois Schumpeter, labor, action, creation, entrepreneurial action, ataxia, energy, hubris

References

- Arendt, Hannah (1998). *The Human Condition* [1958]. Chicago: University of Chicago Press.
- Arendt, Hannah (2002). "Karl Marx and the Tradition of Western Political Thought." *Social Research* 69, No. 2 (2002): 273–319.
- Bourdieu, Pierre (2017). *Anthropologie économique. Cours au Collège de France (1992–1993)* [Economic Anthropology. Lecture Course at the Collège de France (1992–1993)]. Paris: Raisons d'agir, Seuil.
- Brown, Wendy (2019). *In the Ruins of Neoliberalism: The Rise of Antidemocratic Politics in the West*. New York: Columbia University Press.

- Brökling, Ulrich (2016). *The Entrepreneurial Self. Fabricating a New Type of Subject*. London: Sage.
- Davies, William (2014). *The Limits of Neoliberalism*. London: Sage.
- Ferreira, Manuel Portugal, Reis, Nuno Rosa, Pinto, Claudia Sofia Frias (2017). "Schumpeter's (1934) Influence on Entrepreneurship (and Management) Research." *Revista de Empreendedorismo e Gestão de Pequenas Empresas* [Journal of Entrepreneurship and Small Business Management] 6, N 2 (2017): 4–39.
- Foucault, Michel (2011). *Security, Territory, Population. Lectures at the Collège de France (1977–78)*. London: Palgrave Macmillan.
- Locke, John (1894). *An Essay Concerning Human Understanding*. 2 Vols. Oxford: Clarendon Press.
- Mazzucato, Mariana (2018). *The Value of Everything: Making and Taking in the Global Economy*. London: Allen Lane; Penguin Random House UK.
- Mises, Ludvig (1963). *Human Action: A Treatise on Economics*. San Francisco: Fox & Wilkes.
- Schumpeter, Joseph Alois (1976). *Capitalism, Socialism and Democracy*. London: Routledge.
- Schumpeter, Joseph Alois (1934). *The Theory of Economic Development*. Cambridge: Harvard University Press.